

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ ЭПОХ И КУЛЬТУР

КОСТЯ НОВОТОРЖЕНИН: ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ОДНОГО БЫЛИННОГО ГЕРОЯ

В.В. Кузнецов

ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей», Торжок

В статье рассматривается эволюция образа одного из персонажей былин новгородского цикла — Кости Новоторженина, а также затрагивается вопрос о возможности его влияния на появление одноименных героев в преданиях, бытовавших в Торжке и Тверской области. В приложении приводится сопоставление двух вариантов «Сказания о Кости Новоторженине» — стихотворного текста, герой которого имеет черты, схожие с героем былин; его краткому анализу посвящена часть статьи.

Ключевые слова: фольклор, былина, богатырь, этический герой, церковно-народная традиция, предания, «Сказание о Косте Новоторженине», Ефрем Новоторжский, Новгород.

1. Былины

В былине о Василии Буслаеве и новгородцах Костя Новоторженин первым откликается на призыв Василия и, успешно пройдя испытания, становится его названным братом, другом («дружиночкой») или поступает к нему на службу: «Пошли ко Ваське на широкий двор, / К тому чану зелену вину. / Вначале был Костя Новоторженин, / Пришел он, Костя, на широкий двор, / Василей тут ево опробовал; / Стал ево бити червленим вязом <...> Весом тот вяз был во двенадцать пуд; / А бьет он Костю по буйной голове, / Стоит тут Костя не шевельнется, / И на буйной голове кудри не тряхнутся. / Говорил еси Василей сын Буслаевич: / „Гой еси ты, Костя Новоторженин, / А и будь ты мне названой брат / И паче мне брата родимова!“»; «... будь мне-ка дружиночкой хороброю, / Проходи в полаты белокамянны, / Пей ты, ешь у меня садись-ка, кушай-ко, / За мои ти столы садись дубовыя, ты за скатертьи да все за браныя, / Все за есвы за мои за сахарныя»; «... поди-тко ко мне в услуженьице, / Пей и ешь все готовое, / Носи у меня платье цветное, / Да пей ты вина ноньце все безденежно». Во вре-

мя драки с новгородцами на Волховском мосту Костя оказывается в числе тех, к кому Василий обращается за помощью. В другом варианте — он один из трех дружинников, которые вместо Василия бьются с новгородцами, пока тот сидит запертым матерью в погребке [9, № 4, 13, 15, 23; 10, № 141; 11, № 169; 13, № 10].

В былине о паломничестве Буслаева Косте отводится важная роль: он стоит у руля судна, направляя его, по указанию Василия, к святым местам. При этом примечательна трансформация атрибута его имени — «Литуржанин» или «сын Литуржанин» вместо «Новоторженин»: «Да ведь он брал де дружину все хоробрую: / Да ведь он брал Костю-Лостю Литурженина <...> Становил он Костю-Лостю ноньце на корму <...> Говорит тут Василей сын Буславлевиць: / „Да уж ты ой еси, Костя сын Литурженин! / Ты держи-тко-се на горы сорокинские: / Да на горах-то кресты оказуюцьсе, / Ливанидовски цесны да знамянуюцьсе“». «Костя-то Лостя Новоторщеник, / Правь ты под горы Сорочинская, / Знать крестам сходить помолитися» [9, № 22, с. 108; № 24, с. 134]. Видоизмененный атрибут имени Кости и контекст его употребления свидетельствуют о том, что он в качестве кормчего корабля мыслится как тот, кто имеет отношение к Божественной Литургии, кто ведает путь к Богу. Отсюда не будет натяжкой сопоставление буслаевской дружины, плывущей к святым местам, с Церковью — сообществом верующих, кающихся и стремящихся к спасению. (В творениях Отцов Церкви, церковно-книжной традиции и церковном искусстве корабль, Ноев ковчег — постоянный символ Церкви.)

В последнем примере видно, что в окружении Буслаева Костя Новоторженин играет более важную роль, чем остальные дружинники. В этой связи показателен вариант былины, в котором Костя вместо Василия бьется об заклад о том, что тот победит новгородцев в поединке на Волховском мосту: «Возговорил Костя Новоторжанин: / „А нечем мне-ка, Косте, похвастати: / Я остался от батюшки малешенек, / Малешенек остался и зеленешенек. / Разве тым, мне Косте, похвастати: / Ударить с вами о велик заклад / О буйной головы на весь на Новгород, / Окроме трех монастырей“ <... > Ударили они о велик заклад, / И записи написали, / И руки приложили, / И головы приклонили: / „Итти Василью с утра через Волхов мост...“» [11, т. 2, № 169, с. 470]. Этот эпизод считается ошибкой сказителя, поскольку в других вариантах былины с новгородцами спорит сам Буслаев [4, с. 208; 9, с. 377]. Думается, что это не совсем верно. Сам факт даже ошибочной замены Буслаева именно Костей Новоторженином, а не кем-то другим из дружинников, свидетельствует о сопоставимости этих персонажей. Эта сопоставимость становится равнозначностью в былинах, записанных в советское время в селе Нижняя Зимняя Золотица (Архангельская обл., берег Белого моря) от потомственной сказительницы Марфы Семеновны Крюковой. В них Костя Новоторженин выступает на равных с Василием Буслаевым и превращается в самостоятельного эпического героя. Поэтому замену Василия Костей в сцене битвы об заклад уместно рассматривать как начальную стадию трансформации его образа; вехи этого процесса в былинах М.С. Крюковой будут эскизно намечены далее.

В былине «Кудеярко, ведь он же царь немилостивый» Костя Новоторженин и Васька (именно так!) выступают на равных, как два друга-пьяницы, которые приходят к князю Владимиру на защиту Киева. При этом Васька выступает в роли наставника Кости в богатырской этике: «А и как идут, идут Васька, горька пьяница, / И йидет Костя, его товаришш, тоже рваной-от. <...> А ребята-ти бежат да йим ведь вслед крычат: / „Вот идет, идет Васька, горька пьяница, / Горька пьяница, наго тело белое! / Костя Новоторженин, ведь тоже он трепок идет!“ <...> Как и хотел тут Костя Новоторженин / Он и ведь взеть в руки тугой же лук, / В лук положить скоро калену стрелу, / А спустить в детей в безумных-то. / Тут ведь не дал ему да Васька, горька пьяница: / „Э и нам не чесь будет молодецькая, / А и вот не выслуга будет богатырьска“».

В финале былины появляется весьма интересная деталь: родным городом Васьки оказывается «Острахань», а Кости — «Нов город». Очевидно, соотнесение Кости с Нов-городом обусловлено атрибутом его имени — Ново-торженин: он был непонятен сказителям и для его объяснения они привлекли созвучное ему название города, в котором происходит действие всех былин, в которых упоминается Новоторженин.

Также в конце былины выясняется, что у Кости в «Нове городе» есть «йименьице». История его появления раскрывается в былине «Василий Богуслаевич». После смерти Василия Костя приехал к его матери и стал жить при ней: «А ешшо Костя-то Новоторженин он при ней же жил. / А и когда стала тут его-та матушка-та старая, / А и поженила гона Костю-то Новоторженина, / А и как жила с нима-то она, как со сыном-то, / Как со сыном-то будто, с дочерью, / А и подписала все именьицо йим, богасьвицо». После кончины матери Буслаева Костя становится единоличным владельцем его имения: «Как на ихном вот на дворцы на высоком, / На двори ихном на широком-то, / Замен Васильюшко Богуслаевича, / Управлял-то друг любимой, самой лучшей-от, / Как ведь тот ли все Костя Новоторженин...» [1, т. 2, с. 178]. Вероятно, наследование Костей новгородского имения Буслаева следует расценивать как метафору преемственности в доблести и славе новоторжского героя новгородскому богатырю.

Превращение Кости Новоторженина в самостоятельного эпического героя знаменует былина, в которой он выступает как главное действующее лицо — «Костя Новоторженин» [1, т. 2, № 76]. Ее содержанием являются два воинских подвига Кости: разгром войска «арабского царя», осаждавшего Киев, и избавление Москвы от пришедшей на Русь «силушки неверной». Причем первый сюжет разработан значительно полнее второго: Москву Костя освобождает как бы попутно, по дороге домой в Новгород. Богатырская удасть Кости в битве под Киевом восхищает старых богатырей, и главный из них — Илья Муромец — обменивается с ним крестами и перстнями. Обычно в былинах обмен нательными крестами знаменует установление между богатырями отношений побратимства, а в нашем случае он выглядит еще и как знак признания богатырского статуса Кости старшими богатырями. Его равенство с ними отражено в былине «Илья Муромец и Батай». В ней имя Новоторженина стоит в одном

ряду с именами всех известных героев русского эпоса, к которым князь Владимир обращается с призывом защитить Киев от полчищ царя Батая Батевича (Батая) [1, т. 1, № 2, с. 62–76].

Защита «Светой Руси» от иноземных врагов — главное отличие Кости Новоторженина от Василия Буслаева, который растрчивает свою силу в драках со своими соплеменниками. Эта тема отражена и в былинной биографии Кости («Костя Новоторженин»). Его отец был богатырем невиданной силы, которого никто не мог победить в открытом поединке; он погиб в схватке с напавшей исподтишка дружиной князя «Чернигорьского». Костю вырастила мать, которая обучила его «поездкам богатырьским» и «подвийгам сильним»; у него была дружина из 15 богатырей. Однако, осознав, что в мире судят человека не по его заслугам, а по богатству, Костя захотел пожить жизнью «голи кабацкой». Разгромив на службе у князя Владимира войско «арабского царя», заслужив признание от Ильи Муромца и очистив Москву от вражьей силы, Новоторженин вновь возвращает свой богатырский статус и становится защитником Руси: «А и говорил-то все же Костя Новоторженин: / „А не целовека-то почитают, не его же все, / А почитают-то ведь и все же красно золото, / А и красно золото почитают, чисто серебро, / А и захотелось мне-ко, Косте, вот пожить, пожить же голью кабацкою. / А тепере ведь как и Костя вот не хочет-то, / Вот не хочет больше жить голью кабацкою, / Костя хочет сейчас жить да все богатырем; / Очищать-то буду все же я камену Москву, / Каменну Москву я буду же, Нов же град же свой, / Очищать буду Казань-город, Резань, / Ешшо славной-от я город, славной Киев-град же я“» [1, т. 2, с. 166]. При этом служение Кости бескорыстно: он отказывается от предложенной Владимиром награды, а полученные от него подарки раздает дружине. Это уже не тот Костя, который служил Василию Буслаеву за готовое питье, еду, дорогие наряды и участвовал в его пьяных драках.

2. «Сказание о Косте Новоторженине»

Образ Кости Новоторженина в былинах Крюковой был создан на основе старых былин, известных сказительнице с детства, и поэтому его появление в традиционном ареале их бытования выглядит вполне закономерным. Этими же обстоятельствами нельзя объяснить появление стихотворного текста, написанного былинным слогом далеко от Русского Севера — в Новоторжской земле, на родине былинного героя.

В дневнике художника Ивана Михайловича Митрофанова (1898–1987) содержится «Сказание о Косте Новоторженине». Оно, как явствует из дневника, было записано в деревне Заостровье на озере Пирос (граница Новгородской и Тверской области) Н. К. Рерихом в 1903 г. и доработано им «в былинном строе», а Митрофанов скопировал его у Рериха во время знакомства с ним в Новгороде в 1919 г. (Копия дневника: ВИЭМ. Научный архив. № 35). Близкий по содержанию текст был записан тверским журналистом В.З. Исаковым к северо-западу от Торжка в деревне Баранья Гора от того же И.М. Митрофанова,

который называл его былиной и сообщил, что услышал ее в детстве от сказителя Михея Харитоновна [7, с. 24–26]. О нем Митрофанов рассказывал следующее: «Наш деревенский сказитель. Он много ходил везде. Пешком исходил всю Россию. Возьмет, бывало, три пары лаптей. Пошел в Петербург. Трех пар лаптей ему хватало туда и обратно. Замечательный был старик. Сам умел хорошо рассказывать и слушал, как рассказывают другие. Все это ведь передавалось из поколения в поколение. Вот он нам и рассказывал про Костю Новоторженина, про нашего местного богатыря. В Киеве был Илья Муромец, в Новгороде — Васька Буслаев, у нас тут — Костя Новоторженин» [7, с. 24]. Текст «былины» несколько раз был опубликован (впервые в 1979 г.), однако ни в одной из публикаций год ее записи не указан.

При сравнении текста Исакова и рукописи Митрофанова между ними выявляются некоторые различия, главное из них — фрагмент о есауле: в публикации он есть, а в рукописи — отсутствует (см. приложение). По всей видимости, оба текста являются вариантами одного произведения народной словесности, созданного под влиянием былин о Василии Буслаеве; далее мы будем называть его «Сказанием». Вопрос об участии Рериха в появлении текста из дневника Митрофанова в рамках этой статьи не рассматривается, как и вопрос о достоверности его сведений [14, с. 119–122].

Прежде всего, обращает на себя внимание структурная и отчасти содержательная близость «Сказания» и былины «Костя Новоторженин»: 1) его главная тема — защита родной земли; 2) оно включает два эпизода: первый — уничтожение «рати татарской» и убийство ее предводителя Таврула; второй — избавление Торжка от нападений разбойников; вероятно, оба эти эпизода некогда образовывали содержание двух изначально не связанных текстов; 3) Костя происходит из низов общества — он крестьянский сын, равнодушный к богатству и почестям.

В то же время Костя в «Сказании» противоположен Косте в былине: он «не приучен к вину смолоду» и не любит голь кабацкую; в сцене его испытания «чаша зелена вина» не упоминается. Более того, в «Сказании» Костя во многом является антиподом Василия Буслаева. Он идет в Новгород не участвовать в его пьяных драках, а поглядеть на его «дружину хоробрую»; пройдя испытание «червленим вязом» и получив признание своей «силушки», Новоторженин вступает в открытую конфронтацию с Василием, угрожая навсегда пресечь его буйство: «А затеешь игру бесшабашную, / Не ходить тебе больше по сырой земле».

Кроме того, Костя обладает некоторыми необычными свойствами, связывающими его с инобытием. По замечанию Буслаева, «смерть ему на роду не написана», т. е. не предрешена заранее; с ним человеческим голосом разговаривает «Гамаюн, птица вещая», который (так в тексте) призывает его очистить Торжок от разбойников и указывает к нему дорогу. Причем это указание следует понимать скорее в духовном смысле как наставление «на путь истинный»: «Говорит Гамаюн звонким голосом: / „Ой же, Костя ты Новоторженин, / Не хо-

ди путями окольными. / Выбирай тропу прямоезжую“». (Ср. связь Кости с темой прокладывания пути к святым местам в былине о паломничестве Василия Буслаева.)

Особенно информативна одна деталь облика Кости — сума переметная (переплетная). Уходя в Новгород, он положил в нее две пригоршни «родовой земли», в которых заключены его «храбрость ратная» и «сила буйная» («бел-румяный цвет»). Сума мешает ему в поединке с Таврулом, но именно благодаря этому Костя меняет руку и, в конечном счете, убивает предводителя «рати бусурманской»: «Ухватил коня левой рукой — / Помешала сума переметная. <...> Тут ударил Таврула он правой рукой — / Разлетелись доспехи булатные». Необычность переметной сумы отчетливо прослеживается по тексту «Сказания»: Костя держит ее в руках во время испытания (т. е. она выполняет функцию оберега), угрожает ею убить Василия Буслаева, кладет ее под голову во время сна, когда к нему прилетает Гамаюн.

Этот атрибут Кости отсылает к былинам о Святогоре, в которых переметная сума является причиной смерти богатыря, т. е. воплощает все, что противостоит богатырской силе, бесполезной для Земли-матери, и что противоположно неуправляемой богатырской удали, смертельно опасной для людей, живущих на этой земле. Именно в «родовой земле», земле предков, заключена сила и храбрость новоторжского богатыря.

Также переметная сума объединяет Костю с каликами переходными, которые в былинах связаны со святостью, народной мудростью и сокровенными знаниями и в то же время обладают богатырской силой. В связи с этим уместно обратиться к предмету, которым обладает Костя Новоторженин в былине Крюковой и атаман калик Касьян Михайлович в былине «Сорок Калик со каликою». Речь идет о «книжечке памятной», в которую Костя и Касьян смотрят на пиру у князя Владимира перед тем, как отправиться в путь. Ср. «Костя Новоторженин»: «А и тут ставал, ставал ведь Костя-то Новоторженин, / А и он смотрел, смотрел во книжечку свою же он, / А и во свою-то книгу смотрел же он во памятку, / Говорил тогда же Костя таковы слова: / „А и уж ты ой еси, моя жа все дружиночка хоробрая <... > А и чельый час-то ведь мы лишна проклаждаемся, / А и как пора, пора ведь и нам жа собиратисе“» [1, т. 2, № 76, с. 162]; «Сорок калик со каликою»: «Втапоры молоды Касьян сын Михайлович / Вынимал из сумы книжку свою, / Посмотрил и число показал, / Что много мы, братцы, пьем-едим, прохложаемся, / Уже третьей день в доходе идет, / И пора нам, молодцы, в путь идти» [13, с. 128]. Очевидно, что «книжечка памятна» — не записная книжка, а некое собрание письменных указаний, побуждающих героя к действию, к изменению своего статуса, это — расписанный по датам план его жизни. Кем составлен этот план — неизвестно, но оба богатыря неукоснительно ему следуют. В этом свете не следует ли рассматривать «книжечку» как аллюзию на Голубиную книгу — компендиум народной космогонии?

3. Предания

Экспедиция Тверского госуниверситета, предпринятая в 1999 г. в окрестности оз. Пирос с целью проверки данных И.М. Митрофанова, не обнаружила там каких-либо текстов или их отрывков, которые можно было бы сопоставить со «Сказанием о Косте Новоторженине». В то же время почти во всех обследованных населенных пунктах были зафиксированы предания и легенды о монголо-татарском нашествии и о большой битве, происшедшей «на какой-то реке» (чаще всего на Мсте). В деревнях Рютино и Заостровье (деревня, в которой было записано «Сказание») бытовало предание «про триста бойцов с атаманом», которые погибли в бою с «татарами», но нанесли им такой урон, что те вынуждены были повернуть назад в степи. В варианте, записанном в Заостровье, говорится, что в битве принимала участие еще и новгородская рать. В обоих вариантах битва начиналась с поединка «атамана» с «амбалом» или «татаринном». Имя «атамана» называли в деревне Тресно — Костя Новатор, его информанты слышали от старших, которые объясняли его как название человека, придумавшего «что-то новое как татар бить» [14, с. 120]. Имя же предводителя татарской рати — Таврула, согласно народной этимологии, содержится в названии деревни Тавруево. Однако она находится не на озере Пирос, а в 35 км к северо-западу от Торжка среди населенных пунктов, в которых также зафиксированы предания о битве с «татарами» (Тысяцкое, Баранья гора, Арпачево). Причем в этом случае у преданий есть реальная историческая основа: расположение мест их бытования соответствует упомянутому в летописях Селигерскому пути, по которому отходили жители Торжка, спасшиеся после взятия города войсками Батыя в 1238 г.

В ходе экспедиций Тверского госуниверситета и ВИЭМ 1997 и 2014 гг. в деревне Костешино (5 км к юго-западу от Торжка) были записаны сведения о том, что Костя Новоторженин был уроженцем этого населенного пункта и само его название происходит от его имени. Местные жители еще в 1970-х гг. показывали пень от громадного дуба, который, по их словам, был посажен отцом Кости Новоторженина, когда тот уходил из дома в Новгород к Василию Буслаеву; согласно другому варианту, дуб посадил сам Костя. Этот дуб считался святым, около него находился родник, на который жители окрестных деревень приезжали за водой [14, с. 120].

В Торжке особо почитался блаженный Константин, Христа ради юродивый. Его имя значилось в Синодике новоторжского Троицкого монастыря 1674 г., его изображения помещались на иконах вместе с чтившимся на Руси святыми мучениками Гурием, Самоном и Авивом, Московскими митрополитами Петром, Алексием, Ионой и Филиппом (в Климентовской церкви), а также среди новоторжских святых Ефрема, Аркадия, Иулиании (в Крестознаменской церкви). Иконы блаженного Константина находились также в Городской думе и домах жителей Торжка [2, с. 171; 3, с. 73].

С этим Константином в Торжке было связано предание, опубликованное в 1898 г. в «Тверских Епархиальных ведомостях» неким Р. Р., которое он, по его словам, записал «от древнего старца». «Блаженный Константин родился в городе Торжке. Кто были его родители, чем занимались, — осталось неизвестным. Так как он отличался большой силой, то поступил в число рати новгородской и считался богатырем. Жил блаженный Константин во времена Иоанна Грозного и много помогал новгородцам в борьбе с врагами; оставив службу, переселился в родной город и стал проходить подвиг юродства; скончался в Торжке и погребен в том месте, где теперь стоит часовня, на площади, против здания городской Думы». В примечании автор указывает, что, согласно другому преданию, «св. Константин погребен близ Крестознаменской церкви» [12, с. 516–517].

Еще одно предание, в котором фигурирует персонаж с именем Константин, было опубликовано И.Я. Красницким: «Когда великая княгиня Ольга, по возвращении из Новгорода в Киев, отправилась для принятия христианства в Константинополь, то в числе сопровождавшей ее свиты находился венгерец Кон, или Конон, принявший вместе с великой княгиней христианство. После смерти ее он удалился в новгородские области и положил начало христианства в окрестностях Торжка построением в семи верстах от города скита и божницы во имя Бога Живого, и в этом ските отшельник жил до глубокой старости. Когда луч христианства озарил новгородские области, то престарелый пустынный отправился в Новгород и, приняв у епископа Иоакима (ум. 1030. — *В.К.*) монашество, возвратился в свое убежище под именем Константина, где и окончил жизнь свою в 1015 г. на руках преп. Ефрема, получившего от него остатки церковной утвари, уцелевшей от пожара, уничтожившего скит и божницу» [8, с. 11–12].

Эпизод с передачей церковной утвари свидетельствует о позднем происхождении этого предания. Оно могло появиться только после разбора в 1784 г. древнего собора Новоторжского Борисоглебского монастыря, когда в одном из его столбов были обнаружены деревянные потир, лжица, два блюда, серебряная звезда, а также архимандричья шапка и посох. Большинство новоторов сочли, что все эти предметы принадлежали преподобному Ефрему [5, с. 64–67]. Впрочем, поздним в предании может быть только эпизод с передачей утвари. Однако и в этом случае оно не могло возникнуть раньше XVII в., поскольку в нем просматривается сюжетная схема сказания об основании Борисоглебского монастыря Ефремом Новоторжским, которое содержится в редакции его Жития, созданной в XVII столетии. Ефрем и Кон-Конон — венгры, находящиеся на службе у русского князя / княгини; подобно Ефрему, Кон-Конон уходит в «новгородские области» и поселяется в окрестностях Торжка, а не в самом городе. Вместе с тем в предании о Константине-Кононе присутствуют данные, крайне важные для образа святого, отсутствующие в житии Ефрема: в нем указываются обстоятельства крещения, принятия монашеского пострига и называется мирское имя. Кроме того, в деле

распространения христианства в окрестностях Торжка Константин оказывается предшественником Ефрема. Все это должно было придать сведениям, которые излагаются в предании Красницкого о Константине, бóльшую достоверность, чем те, которые приводятся в Житии о Ефреме. Это, с церковной точки зрения, делало образ Константина-Кона-Конона более значимым и весомым.

По всей видимости, предание о Константине-Кононе появилось в среде старообрядцев, испытывавших потребность в «своем», «исконном» святом, который мог бы стать знаменем их веры. Примечательно, что изображение блаженного Константина находилось в настенной росписи единоверческой Покровской церкви Торжка, а также на погребальной пелене, покрывавшей мощи прп. Иулиании, княгини Новоторжской и Вяземской в Спасо-Преображенском соборе, которая вместе со своим мужем Симеоном особо почиталась старообрядцами. Кончину Константина на руках у Ефрема и передачу ему «остатков церковной утвари», очевидно, следует понимать как свидетельство передачи святости и благодати от «древлеправославного» святого новому подвижнику веры.

Довольно информативен выбор имени Кона-Конона при принятии монашеского пострига. Его объяснение из церковной традиции давать постригаемому имя, которое начиналось на ту же букву, что и мирское, вряд ли приемлемо. В таком случае, почему Кон-Конон не был назван в предании, например, Кириллом, Касьяном или Корнилием? Вероятнее всего, причина выбора имени *Константин* состоит в том, что в новоторжской церковно-народной традиции оно обладало некой сакральностью, было особо значимо. Помимо вышеназванных Константинов в Торжке почитались еще два настоятеля Борисоглебского монастыря, один из которых был сожжен вместе с братией и частью горожан во Введенской церкви обители [3, с. 168–170]. Для того чтобы имя *Константин* приобрело среди новоторгов особую значимость, необходимо, чтобы оно изначально было связано с носителем, оставившим значимый след в коллективной памяти жителей Торжка, аналогичный тому, какой оставил Ефрем Новоторжский. О том, насколько почитание Ефрема Новоторжского повлияло на церковно-народную традицию Торжка, достаточно красноречиво свидетельствует широкое распространение в новоторжском ономастиконе имени Ефрем и фамилии Ефремов(а). О том же свидетельствуют имена, отчества и фамилии на надгробных памятниках в Торжке и окрестных селах. Очевидно, что с комплексом сюжетов и мотивов, которые характеризуют образ Ефрема Новоторжского в церковно-народной традиции, может быть сопоставлен только объем поэтических мотивов, создающий образ Кости Новоторженина в традиции фольклорной. Не исключено, что имя *Кон* или *Конон* возникло в результате стяжения или редукции полной формы новоторжского былинного героя, чем объясняется его фонетическое варьирование: Ко(стя)Но(в)о(т)о(рже)н(и)н → Кон или Конон. В качестве иллюстрации возможности объединения под одним именем Кости Новоторженина и Ефрема Новоторжского (resp. слияния их образов) можно

привести курьезный, но от этого особо интересный пример. Комментируя место из «Сказания о убиении Бориса» в Повести временных лет, где говорится об отсечении головы Георгия, отрока князя Бориса, Д. С. Лихачев писал: «Летописец, очевидно, знал, что одну голову слуги Бориса (без тела) показывали в Борисоглебском монастыре, основанном в 1030 г. братом Георгия — Ефремом Новоторженином». Очевидно, что для выдающегося ученого, хорошо знавшего русский фольклор и древнерусскую культуру, образ фольклорного героя Кости Новоторженина подсознательно оказался таким же (если не более) значимым, как и образ святого Ефрема Новоторжского.

Подводя итог приведенным наблюдениям, можно сделать некоторые обобщения.

1. Трансформация образа Кости Новоторженина в былинах М.С. Крюковой знаменует собой поздний этап существования русского героического эпоса. В былинах этого периода наряду со старыми (старшими) богатырями действуют новые (младшие), которые в старых былинах были второстепенными персонажами. Среди имен буслаевских товарищей в других былинах, кроме Кости Новоторженина, довольно часто появляется Потанюшка Хроменький [1, т. 2, с. 376]. Но только Косте из всех дружинников Василия Буслаева посвящена отдельная былина. Важно подчеркнуть, что Крюкова переняла ее у представителей старшего поколения, а не создала сама, следовательно, былина существовала уже в дореволюционное время [1, т. 2, с. 707–708]. Почему же именно Костя Новоторженин привлек внимание народных сказителей? Возможно, они чувствовали некую «особость» этого персонажа, которая едва заметна, но все же ощутима в старых былинах о Василии Буслаеве. Также можно предположить, что какой-то былинный сюжет, в котором Костя Новоторженин был главным героем, существовал в новгородской эпической традиции уже на ранних этапах ее существования и был перенесен на Север новгородскими переселенцами. Не случайно былина о Косте Новоторженине была записана в селе, которое, согласно бытовавшему там преданию, основали выходцы из Новгорода [1, т. 1, с. 1].

2. «Сказание о Косте Новоторженине» развивает былинный образ Кости, углубляя его «особость». Он уже не дружинник Василия Буслаева, а выходец из низов — крестьянский сын, обладающий необычными свойствами: не пьет вина, не любит «голь перекатную», не приемлет бесшабашных и бессмысленных драк, обладает волшебной сумой переметной, понимает вещую птицу. В «Сказании» Костя уже не замещает умершего Василия, а становится его антагонистом, угрожая ему расправой. Тема защиты родной земли, отсутствующая в образе Буслаева старых былин, в образе Кости выражена предельно рельефно: он едва ли не сакральный ее хранитель («родовая земля» в переметной суме). Существование в преданиях, бытовавших вокруг оз. Пирос и в окрестностях Торжка, персонажей с именами героев «Сказания», наличие в них эпизода, отсылающего к былинам о Василии Буслаеве, позволяет допустить фольклорное

происхождение этого произведения (хотя и авторское начало в нем очевидно) и предположить его относительно широкое распространение. Иными словами, не исключено, что «Сказание о Косте Новоторженине» в своей основе содержит былинный текст, некогда бытовавший в Новоторжской волости Новгородской земли.

3. Вопрос о соотношении былин и преданий, в которых фигурирует Костя Новоторженин или близкий к нему персонаж, не может быть рассмотрен в рамках этой статьи. Отметим лишь некоторые черты, которые объединяют Костю в былинах и «Сказании» с Костей в преданиях: защита родной земли; незнатное происхождение, связь с низами общества (обнищавший дружинник-пьяница, крестьянский сын / сын простых горожан); изменение социального статуса (богатырь, решивший пожить как «голь перекатная» / богатырь, ставший юродивым); преемственность предшественникам, старшим поколениям (признание богатырства Кости Новоторженина Ильей Муромцем, обмен крестами; наследование имени Василия Буслаева / смерть Константина-Конона на руках у Ефрема Новоторжского, передача церковных реликвий); связь с инобытием, сферой сакрального, волшебного («Костя Литуржанин», «книжечка памятна», «сума переметная» / проповедник христианства, отшельник, блаженный, святой). Главным элементом, объединяющим предания с былинами и «Сказанием», является имя *Костя Новоторженин*. При этом его появление в преданиях является следствием усвоения имени эпического героя герою устной истории. С другой стороны, возможно, что сохранение памяти о реальных (?) Константинах было обусловлено их связью через имя с образом популярного фольклорного героя. В преданиях происходит раскрытие семантических интенций образа Кости Новоторженина, созданного в былинах и «Сказании», что выражается в разделении его функций: защитник родной земли и «народный» святой (блаженный Христа ради, распространитель христианства).

В связи со сказанным возникает вопрос: не являются ли былины М.С. Крюковой, «Сказание о Косте Новоторженине» и упоминавшиеся в статье предания «осколками» некоего целого — утраченной новоторжской былинной традиции, тесно связанной с новгородским эпосом и вместе с ним занесенной переселенцами из Новгорода на Русский Север?

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Сказание о Косте Новоторженине»

В тексте совмещены два варианта: публикация В.З. Исакова (основной) [5, с. 98–102] и из дневника И. М. Митрофанова. *Курсив* — фрагменты, отсутствующие в дневнике; (круглые скобки) — фрагменты, отсутствующие в публикации, в дневнике они также заключены в скобки; [квадратные скобки] — слова и предложения, которые в дневнике использованы вместо предыдущего

слова или предложения публикации; **жирный шрифт** — фрагменты, совпадающие с текстом былин о Василии Буслаеве.

Часть первая

Затучилась (понадвинулась) туча черная,
Принесла беду неминучую,
Набегали на нас (лихие) псы-татарове.
Разбегался православный люд
В вековые чащобы дремучие,
Добры молодцы на лихих конях
Уходили в дружину хоробрую.
Снаряжался (туда) и крестьянский сын.
Брал с собой суму переметную,
С двою пригоршней родовой земли.
От сырой земли — храбрость ратную,
С полевых лугов — бел-румяный цвет (силу буйную),
Бел-румяный цвет, кровь-руду нашу.
По дорогам пошел, по обочинам,
По просторным (широким) полям Волги-матушки,
По раздольицу по широкому.
Протекала там Тверца-река.
(И пришел туда, где Тверца река)
Ох, ты гой еси, Тверца-река,
Ты родная сестра Волги-матушки.
Почернели берега твои,
Ключевая вода помутилась.
Куреня стоят во чистом поле.
В тучи [стяги] черные солнце спряталось.
(Знать задумала рать басурманская
Здесь отпраздновать)
Басурманская рать некрещеная
Собирается на кровавый пир.
Под ракетами под зелеными
Православный стяг в небе высится.
*И стоит тут дружина хоробрая,
Новгородские ратники смелые,
Поклонился им крестьянский сын:
«Ой же, ратники новгородские,
Принимайте меня в свою братчину».*
*Подъезжает есаул на борзом коне,
В леву сторону грива до сырой земли.
Вопрошает есаул зычным голосом:
«Ты по што пришел, добрый молодец?*

Ты добром пришел али неволью?
Каким именем прозываешься?
Захвал куда молодого коня?»
Отвечал есаулу добрый молодец:
«По рожденью я крестьянский сын.
А зовут меня Костя Новоторженини.
Неподручен в бою наш крестьянский конь».
«Ох ты, гой еси, Костя Новоторженин,
У тебя боевых доспехов нет».
Тут ответил Костя Новоторженин:
«Малый кречет птица неприметная,
А большую добычу когтями берет».
И сказал есаул своей братии:
«Много видел я чудес за тридцать лет,
А такого чуда не наезживал».
Принимали Костю в дружину хоробрую,
Под святые знамена поставили.
Принесли ему шапку железную
И кольчугу для могучих плеч,
Чистым серебром изукрашену.
Не сгодились доспехи ратные —
Не закрыли и руки могучие.
И сказал есаул своей братии:
«Много видел я чудес за тридцать лет,
Но такого чуда не видывал».
Затрубили рога басурманские,
Рать поганая учиняет бой.
Выезжает Таврул-богатырь.
Конь под ним, словно лютый зверь,
У седла висит булава с копьем,
С каленой стрелой лук разрывчатый,
А в руке его меч шести пудов.
Зарычал Таврул по-звериному,
Вызывает в одиночный бой.
Есаул с конем в страхе попятился.
И выходит Костя Новоторженин.
Он руками дружину назад подал,
Зарычал Таврул диким голосом,
Стаи птиц поднялись ко синю небу,
А зверье в трущобы сховывалось.
Он направил на Костю борза коня,
Под копытами земля прогибается.
Размахнулся Костя Новоторженин,

Ухватил коня левой рукой —
Помешала сума переметная.
Ногами конь в землю ряхнулся.
Тут ударил Таврул он правой рукой —
Разметались доспехи булатные
И рассыпался прах по сырой земле.
С гиком бросилась рать татарская (силы невиданной)
Взять в полон бойца силы невиданной.
[Взять в полон бойца да без выкупа].
Развернулся Костя Новоторженин,
Сбросил с плеч суму переметную,
Ухватил за дерево кондовое
И ослопом бил силу черную.
Рать поганая ничком лежит.
Размозжилось дерево кондовое —
Ухватил он шельгу подорожную.
Заревели басурманы диким голосом.
Заскрипели телеги дубовые.
И сказал есаул своей братии:
«Много видел я чудес за тридцать лет,
А такого чуда не снилося».

Часть вторая

На реке Тверце светлый град стоит.
В нем палаты белокаменные
И ряды расписные торговые.
У людей на помине лиха беда.
И приходит Костя Новоторженин.
Говорят купцы таковы слова:
«Ох ты, гой еси, Костя Новоторженин,
Удалой боец, добрый молодец.
От беды неминучей избавил ты нас.
Зазвонят колокола церковные,
Заходи к нам в ряды торговые.
Мы нальем тебе вина полтора ведра
И дадим кафтан золотой парчи».
Отвечает Костя Новоторженин:
«Не приучен я к вину смолоду,
Золотая парча на моих плечах не удержится».
Слово молвил купец новгородский:
«Ой же, Костя ты Новоторженин,
Ясну соколу не ходить по земле,
А летать высоко под облаки.

Ты поди-ка в славный Новгород
К молодому Василью Буслаеву.
У него и дружина хоробрая,
Тридцать молодцев без единого».
Отвечает Костя Новоторженин:
«Побываю я в вольном Новгороде,
Погляжу на дружину хоробрую».
А в ту пору Василий Буслаевич
Наливал чан полон зелена вина,
Ставил чару в полтора ведра
И писал ярлыки скорописчаты:
«Кто хочет есть и пить из готового —
Валися к Ваське на широкий двор.
Тот пьет и ест готовое
И носи платье разноцветное!»
Прочитали ярлыки люди грамотные
И пошли к Ваське на широкий двор.
Подошел тут Костя Новоторженин,
И Василий стал его опробовать.
Начали бить червленим вязом —
В том вязу было налито
Полмеры тяжелого свинцу чебурацкого.
Весом тот вяз был двенадцать пуд.
А и бьет он Костю по буйной голове —
Стоит Костя не шелохнется.
Рукой держит суму переметную,
На головешке кудри не тряхнулись.
И сказал тогда Василий сын Буслаевич:
«Ох ты, гой еси, Костя Новоторженин,
(Твоей силушки и меры нет)
Такой силы я сроду не видывал.
Ну, и смерть тебе в роду не написана.
А и будь ты мне названный брат
Или паче мне брата родимого».
Отвечает Костя Новоторженин:
«Эх ты, буйна голова, Василий Буслаевич.
Я пришел к тебе на широкий двор
Не показывать удаль молодецкую
И не пить твое зелено вино —
Посмотреть твоих добрых молодцев.
А затеешь игру бесшабашную —
Не ходить тебе больше по сырой земле.
Я тряхну только сумой переметною...»

Тут Василий сын Буслаевич на колени пал,
Горючи слезы рекой текут.
Камень от огня разгорается,
Булат от жару растопляется.
Не любила Косте голь кабацкая,
И пошел он дорогой обходною.
Ясный месяц за горы хоронится,
Оставляет (зажигает) на небе звезды светлые.
Костя снял с плеч суму переметную [переплетную],
Под ракитов куст склонил голову.
А на куст на тот по полуночи
Прилетел Гамаюн — птица вещая.
Говорит Гамаюн звонким голосом:
«Ой же, Костя ты Новоторженин,
Не ходи путями окольными.
Выбирай тропу прямоезжую».
На обочине стоит черный куст,
А под тем кустом камень меченый.
Потемнела вода на Тверце реке,
Не плывут по ней струги белые,
Набегают лихие разбойники,
Убивают веселых корабельщиков,
Забирают меха соболиные,
Самоцветные яхонты с золотой казной.
Подошел Костя по Тверце-реке —
Разбежались ватаги разбойников.
Атаманы пришли с покаянною.
Посветлела вода во Тверце-реке,
Поплыли караваны заморские.
Колокольный звон разливается.
В два ряда стоят струги белые
С расписными челнами заморскими (торговые).
И гуляют купцы новгородские.
На реке Тверце новый торг идет.
Гусляры поют песни звонкие:
«Ох ты, гой еси, Костя Новоторженин,
Исполать тебе, добрый молодец, крестьянский сын».
*Постоял ты за веру православную,
(Погулял ты по свету белому),*
Не позарился ты на золото и яхонты,
А позарился на родную землю.
В суме переметной домой принес.

В более поздней публикации отсутствует фрагмент текста после слов «Исполать тебе, добрый молодец, крестьянский сын» [6, с. 26].

Список использованной литературы

1. Былины М.С. Крюковой. Т. I– II // Летописи Гос. лит. музея. Кн. VI. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1939. 748 с.; кн. VIII. Изд-во Гос. лит. музея, 1941. 783 с.
2. [Димитрий (Самбикин), архиеп.] Монастыри и приходские церкви г. Торжка и их достопримечательности. Тверь: Тип. Губ. правл., 1903. 100 с.
3. [Димитрий (Самбикин), архиеп.] Тверской патерик: Краткие сведения о тверских местно чтимых святых. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1908. 244 с.
4. Жданов И.Н. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1895. XII, 631 с.
5. Илюдор, иеромон. Историческо-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь: Тип. Губ. правл., 1861. 182 с.
6. Исаков В.З. Девочка с острова. М.: Дет. лит., 1979. 110 с. : ил.
7. Исаков В.З. У истоков Волги. М.: Сов. Россия, 1988. 285 с.
8. Красницкий И.Я. Тверская старина: Очерки истории, древностей и этнографии. Вып. 1: Город Торжок. СПб.: Военная тип., 1876. 96 с.
9. Новгородские былины. М.: Наука, 1978. 456 с. (Литературные памятники)
10. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: тип. Акад. наук, 1873. 720 с.
11. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3 т. Изд 2-е. М.: Сотрудник школ, 1910. Т. 2. VI, 727 с.
12. Р. Р. Краткие сведения о блаженном Константине, новоторжском чудотворце // Тверские Епархиальные ведомости. 1898. № 22. Ч. неофиц.
13. Сборник Кирши Данилова. М.: Наука, 1977. 491 с. (Литературные памятники)
14. Цыков В. В. Фольклорные данные об образе Кости Новоторженина: история несостоявшегося открытия // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 4. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; Тверь: СФК-офис, 2012. 468 с.

Об авторе

Кузнецов Виктор Владимирович — кандидат филологических наук, научный сотрудник ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей», Торжок; e-mail: tiveriada@yandex.ru